

Культура речи — понятие многозначное. Одна из основных задач культуры речи — это охрана литературного языка, его норм. Следует подчеркнуть, что такая охрана является делом национальной важности, поскольку литературный язык — это именно то, что в языковом плане объединяет нацию. Создание литературного языка — дело не простое. Он не может появиться сам по себе. Ведущую роль в этом процессе на определенном историческом этапе развития страны играет обычно наиболее передовая, культурная часть общества. Становление норм современного русского литературного языка неразрывно связано с именем А. С. Пушкина. Язык русской нации к моменту появления литературного языка был весьма неоднороден. Он состоял из диалектов, просторечия и некоторых других обособленных образований. Диалекты — это местные народные говоры, весьма различные с точки зрения произношения (на Севере окают, на Юге якают), лексики, грамматики. Просторечие более едино, но все же недостаточно упорядочено по своим нормам. Пушкин сумел на основе разных проявлений народного языка создать в своих произведениях такой язык, который был принят обществом в качестве литературного. Литературный язык — это, разумеется, далеко не одно и то же, что язык художественной литературы. В основе языка художественной литературы лежит литературный язык. И, более того, литературный язык как бы вырастает из языка художественной литературы. И все же язык художественной литературы — это особое явление. Его главная отличительная черта состоит в том, что он несет в себе большую эстетическую нагрузку. Для достижения эстетических целей в язык художественной литературы могут привлекаться диалекты и другие нелитературные элементы.

Одна из главнейших функций литературного языка — быть языком всей нации, встать над отдельными локальными или социальными ограниченными языковыми образованиями. Литературный язык — это то, посредством чего создается, естественно, наряду с экономическими, политическими и другими факторами, единство нации. Без развитого литературного языка трудно представить себе полноценную нацию. Известный современный лингвист М. В. Панов [28, 9—10] среди основных признаков литературного языка называет такие, как язык культуры, язык образованной части народа, сознательно кодифицированный язык. Последнее — сознательная кодификация языка — прямая задача культуры речи: с появлением литературного языка появляется и “культура речи”.

Кодифицированные нормы литературного языка — это такие нормы, которым должны следовать все носители литературного языка. Любая грамматика современного русского литературного языка, любой его словарь есть не что иное, как его модифицирование. Утверждение о том, что существительное женского рода с окончанием -а в именительном падеже в предложном падеже имеет окончание -е (а не какое-то другое), — это утверждение о норме. Однако такие нормы для носителей русского языка естественны, их кодификация предельно проста, с такой кодификацией справляется любой грамматист, и специалисту по культуре речи здесь делать нечего. Культура речи начинается там, где язык как бы предлагает выбор для кодификации, и выбор этот далеко не однозначен. Часто можно услышать километр, но норма — только километр, не менее часто звучит договор, но норма — договор, хотя сейчас уже не запрещается категорически и договор, тогда как тридцать лет назад такое ударение запрещалось. Это свидетельствует, кроме всего прочего, еще и о том, что современный русский литературный язык, хотя и может рассматриваться как язык от Пушкина до наших дней, не остается неизменным. Он постоянно нуждается в нормировании. Если же следовать раз и навсегда установленным нормам, то есть опасность, что общество просто перестанет с ними считаться и будет стихийно устанавливать свои нормы. Стихийность же в таком деле — далеко не благо, поскольку то, что кажется приемлемым для одних, окажется неприемлемым для других. Поэтому постоянное наблюдение за развитием и изменением норм — одна из основных задач лингвистической науки о культуре речи.

Это хорошо понимали русские языковеды дореволюционного периода, свидетельством чему является анализ норм русского языка в вышедшей в 1913 г. книге В. И. Чернышева “Чистота и правильность русской речи”, как бы подводящей некоторый итог развитию произносительных, морфологических и синтаксических норм со времен Пушкина. Приведем несколько характерных примеров из этой книги. В XIX в. еще были возможны колебания в употреблении или неупотреблении беглых гласных о или е: ветер — ветер, вихрь — вихорь, пепел — пепел, промысл — промысел, умысл — умысел. Возможны были и формы матер и дочерь. Гораздо шире, чем теперь, в то время употреблялись различные предлоги: Для одного этого потребовалось бы целой и притом большой статьи (В. Белинский); Было половина восьмого... (Ф. Достоевский); Дивно им грезились весной, весной и летом золотым (Ф. Тютчев).

Особой заботы потребовали общелитературные нормы после 1917 г., что, разумеется, не случайно. В активную общественную жизнь включались широчайшие народные массы, которые недостаточно хорошо владели литературным языком. Естественно, возникла угроза расшатывания литературной нормы. Это прекрасно понимали филологи, проводившие большую работу по пропаганде культуры речи, такие, как известнейшие лингвисты В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и многие другие.

Как уже было сказано, новым этапом в развитии культуры речи как научной дисциплины стали послевоенные годы. Крупнейшей фигурой этого периода был С. И. Ожегов [24], получивший широчайшую известность как автор самого популярного однотомного “Словаря русского языка”, ставшего настольной книгой не одного поколения людей. После смерти С. И. Ожегова в 1964 г. активную работу по обновлению словаря ведет академик РАН Н. Ю. Шведова; в 1992 г. вышел “Толковый словарь русского языка”, авторами которого названы С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. Прав оказался К. И. Чуковский, писавший в статье “Памяти С. И. Ожегова”: “Его подвиг никогда не забудется нами, и я верю, что созданный чудесный словарь сослужит великую службу многим поколениям советских словарей”.

Нормативный аспект культуры речи — один из важнейших, но не единственный. Чешский лингвист К. Гаузенблас пишет: “Нет ничего парадоксального в том, что один способен говорить на ту же самую тему нелитературным языком и выглядеть более культурно, чем иной говорящий на литературном языке” [4, 301]. И это абсолютно верно. Можно привести большое количество самых разнообразных по содержанию текстов, безупречных с точки зрения соблюдения общелитературных норм, но не слишком вразумительных. Вот, например, такой текст из “Руководства по эксплуатации телевизионного приемника”: “Для повышения качества воспроизведения мелких деталей при приеме черно-белого изображения в схему телевизора введено автоматическое отключение резекторных фильтров в яркостном канале. Уменьшение влияния помех достигается применением схемы автоматической подстройки частоты и фазы строчной развертки”. Большинство специалистов этот текст просто непонятен или понятен лишь в общих чертах, поскольку мы не знаем, что такое резекторные фильтры в яркостном канале, фазы строчной развертки. А специалист, например, мастер по ремонту телевизоров, знает об устройстве аппарата, конечно, не по руководству к нему. Значит, такой текст неэффективен, поскольку не имеет своего адресата. Следовательно, мало добиться нормативности текста, надо еще сделать этот текст хорошим.

Язык располагает большим арсеналом средств. Главнейшее требование к хорошему тексту таково: из всех языковых средств для создания определенного текста должны быть выбраны такие, которые с максимальной полнотой и эффективностью выполняют поставленные задачи общения, или коммуникативные задачи. Изучение текста с точки зрения соответствия его языковой структуры задачам общения в теории культуры речи получило название коммуникативного аспекта культуры владения языком.

То, что теперь называют коммуникативным аспектом культуры речи, было известно уже в античности, подарившей миру учение о риторике [7].

Еще один аспект культуры речи — этический. В каждом обществе существуют свои этические нормы поведения. Они касаются и многих моментов общения. Поясним это на таком примере. Если вы утром садитесь за стол с членами своей семьи, чтобы просто позавтракать, то вполне этичным будет попросить: *Передай-ка мне хлеб* (1). Но если вы сидите за большим праздничным столом с незнакомыми или не очень близкими вам людьми, то по отношению к ним уместно будет ту же просьбу выразить так: *Не можете ли вы (или: вас не затруднит) передать мне хлеб?* (2). Чем отличается (1) от (2)? Ясно, что не нормативностью. С точки зрения эффективности коммуникации (1) прямым образом и, следовательно, более ясно выражает мысль, чем (2), в котором мысль выражена косвенно, но в ситуации праздничного стола все же уместна вторая форма. Различие между (1) и (2) именно в следовании этическим нормам. Этические нормы, или иначе — речевой этикет, касаются в первую очередь обращения на “ты” и “вы”, выбора полного или сокращенного имени (Ваня или Иван Петрович), выбора обращений типа гражданин, господин и др., выбора способов того, как здороваются и прощаются (здравствуйте, привет, салют, до свидания, всего доброго, всего, до встречи, пока и т. п.). Этические нормы во многих случаях национальны: например, сфера общения на “вы” в английском и немецком языках уже, чем в русском; эти же выходы в большем числе случаев, чем русский язык, допускают сокращенные имена. Иностранец, попадая в русскую среду, часто, не желая того, выглядит бестактным, привнося в эту среду свой языковой этикет. Поэтому обязательным условием хорошего владения русским языком является знание русского языкового этикета.

Этический аспект культуры речи не всегда выступает в явном виде. Р. О. Якобсон [42], лингвист с мировым именем, выделяет шесть основных функций общения: обозначение внеязыковой действительности (Это был красивый особняк), отношение к действительности (Какой красивый особняк!), магическая функция (Да будет свет!), поэтическая, металингвистическая (суждения о самом языке: Так не говорят; Здесь нужно иное слово) и фактическая, или контакто-устанавливающая. Если при выполнении пяти первых названных здесь функций этический аспект проявляет себя, скажем, обычно, то при выполнении контактоустанавливающей функции он проявляется особым образом. Контактостанавливающая функция — это сам факт общения, тема при этом не имеет большого значения; не имеет значения и то, хорошо или плохо раскрывается эта тема. Этический аспект общения выступает на первый план. Вам, например, неудобно идти молча со своим знакомым, с которым вас, однако, связывает не слишком многое, и вы начинаете разговор о погоде, хотя вам и вашему собеседнику она в этот момент безразлична. Цель такого разговора одна — установление контакта.

Роль этических норм в общении можно прояснить и на другом ярком примере. Сквернословие — это тоже “общение”, в котором, однако, грубейшим образом нарушены именно этические нормы.

Итак, культура речи представляет собой такой выбор и такую организацию языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

Далее остановимся несколько подробнее на коммуникативном аспекте культуры речи.

Коммуникативный аспект культуры речи. На протяжении всей истории развития учения о культуре речи гораздо больше внимания, особенно в советское время, уделялось нормативному аспекту культуры владения языком. Это во многом объясняется той социальной ситуацией, которая сложилась в стране после 1917 г. Как уже говорилось выше, к общественной деятельности были привлечены огромные массы людей. Ясно, что эта общественная жизнь требовала и активной речевой деятельности с использованием литературного языка, нормами которого владели далеко не все. Именно поэтому нормативный аспект культуры речи был главной заботой лингвистов и всего общества. Дальнейшая история страны — эпоха сталинизма — также не способствовала развитию культуры речи в коммуникативном аспекте. Основа основ коммуникативного аспекта культуры речи — выбор нужных для данной цели общения языковых средств — процесс творческий. Между тем творчество и диктатура “сильной личности” — вещи несовместимые. Во всем, в том числе и в речевой деятельности, предписывалось следовать готовым рецептам. Даже в прославлении любимого вождя нельзя было “выйти за рамки”: отец народов, корифей науки...

Лингвисты всегда хорошо понимали важность для культуры речи того, что здесь названо коммуникативным аспектом. Еще в 20-е гг., известный советский филолог Г. О. Винокур, автор многочисленных, в том числе и популярных, работ по культуре речи, подчеркивал: “Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества” [3]. Об этом же много позднее писал и С. И. Ожегов: “Высокая культура речи — это умение правильно, точно и выразительно передать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка... Но культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное” [23, 287—288].

Нельзя сказать, что дальше этих общих заявлений дело в исследовании коммуникативного аспекта не пошло. Достаточно широко в современной русистике ведутся исследования по стилистике, особенно по лексической стилистике, что находит прямое отражение в словарях в виде стилистических помет, таких, как книжн. и др. Эти пометы ясно указывают, в каких текстах уместны данные слова. Есть и прямые попытки построить теорию культуры речи, включив в нее коммуникативный аспект. В работах Б. Н. Головина, в том числе и в его учебном пособии для вузов “Основы культуры речи”, утверждается, что для культуры речи вообще значим только один — коммуникативный — аспект, в плане которого следует рассматривать и нормативность [5, 23—40]. Культура речи определяется как набор коммуникативных качеств хорошей речи. Эти качества выявляются на основе соотношения речи с отдельными, как выражается Б. Н. Головин, неречевыми структурами. К неречевым структурам отнесены: язык как некоторая основа, производящая речь; мышление; сознание; действительность; человек — адресат речи; условия общения. Данный комплекс неречевых структур требует от речи следующих хороших, то есть соответствующих этим структурам, качеств: правильность речи (иначе говоря, нормативность), ее чистота (отсутствие диалектизмов, жаргонизмов и т. п., что также относится к введению нормативного аспекта), точность, логичность, выразительность, образность, доступность, действенность и уместность. Нет сомнения в том, что все эти качества действительно важны для оценки многих конкретных текстов в коммуникативном аспекте. И задачу определения текста по шкале “плохой — хороший” в коммуникативном аспекте можно было бы считать решенной, если для этого было бы достаточно приложить к любому тексту названные девять признаков.

Язык выполняет разные коммуникативные задачи, обслуживает разные сферы общения. Одно дело — язык “Науки и совсем другое — быденная разговорная речь. Каждая сфера общения в соответствии с теми коммуникативными задачами, которые ставятся” вней, предьявляет

к языку свои требования. Поэтому невозможно говорить в коммуникативном плане о культуре владения языком вообще. Речь должна идти о культуре владения разными функциональными разновидностями языка. То, что хорошо в одной функциональной разновидности языка, оказывается совершенно неприемлемо в другой. М. В. Паноб пишет: “не раз в печати появлялись жалобы, что лексикографы обижают слова: ставят около них пометы “разговорное”, “просторечное” и т. д. Несправедливы эти жалобы. Такие пометы не дискриминируют слова. Посмотрим в словаре, у каких слов стоит помета “разговорное”: ворочать (делами), ворчун, восвосяси, вперебой, впихнуть, впросонках, впрямь, впустую, временами (иногда), всласть, всплакнуть, вспомнать, встряска, всухомятку, выволочка, газировка, гибель (много), глазастый, глядь, гм, гнильца, говорун, голубчик, гора (много), грохнуть, грошовый, грузнеть, ни гу-гу, гуртом, давай (он давай кричать), давненько-Прекрасные слова. Помета разг. их не порочит. Помета предупреждает: лицо, с которым вы в строго официальных отношениях, не называйте голубчиком, не предлагайте ему куда-нибудь его впихнуть, не сообщайте ему, что он долговязый и временами ворчун... В официальных бумагах не употребляйте слова глядь, всласть, восвосяси, грошовый... Ведь разумные советы?” [28, 9—10].

Если с этих позиций подойти к некоторым из перечисленных качеств хорошей речи, то оказывается, как это ни странно на первый взгляд, что в отдельных ее разновидностях хорошими или как минимум неплохими следует признать качества, противоположные тем, которые названы в списке. Так, если для научной речи действительно необходима точность, в том числе и точность в обозначении конкретных реалий, то в разговорной речи вполне нормативны такие, например, неточные обозначения, как “чем писать” (карандаш, ручка).

В спонтанной речи мы пользуемся языком, как писал Г. О. Винокур, “импульсивно, следуя заданной, внушенной социальной норме” [3]. Однако даже в том случае, если говорящий образован и хорошо знает своей литературный язык — его лексику, грамматику, правописание и произношение, со временем его речь “по инерции” (при условии работы над языком) становится более осознанной, продуманной, целесообразной с точки зрения условий, ситуации и, конечно, избранного стиля общения. Никто не будет спорить с высказыванием о том, что речь культурного человека должна быть выше простого умения объясняться в быту. Коммуникативные аспекты речи в процессе овладения литературным языком являются едва ли не решающими. Однако, если думать о том, что именно составляет специфику культуры речи как особой языковедческой дисциплины, то нельзя не заметить, что для нее особенно важными являются: 1) проблема литературной—нормы, ее теоретическая и культурологическая интерпретации; 2) регулятивный аспект, предусматривающий поддержку, защиту и охрану русского языка от неблагоприятных и разрушительных влияний.

25 октября 1991 г. был принят закон о языках народов РФ, в котором русский язык объявлен государственным. В настоящее время разработана Федеральная программа поддержки русского языка. При создании сетки Федеральной программы язык рассматривался в трех главных аспектах: русский язык как государственный, как национальный и как мировой. В последнем случае предусматривалась функция русского языка как международного. Специально оговаривалась выработка государственной политики по отношению к русскому языку, что относится, бесспорно, и к культуре его использования. В докладе “Основные направления деятельности Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации” академик Е. П. Чельшев сказал: “Русский язык является основой духовной культуры русского народа. Он формирует и объединяет нацию, связывает поколения, обеспечивает преемственность и постоянное обновление национальной культуры. Престиж русской нации, восприятие русского народа в других культурах во многом зависит от состояния русского языка. Опираясь на народную языковую традицию, многие замечательные русские писатели, ученые, общественные деятели внесли значительный вклад в становление русского национального языка, в совершенствование его литературной формы. Русский язык занимает достаточное место в ряду мировых языков, отличаясь развитой лексикой, богатством фразеологии, гибкостью и способностью выражать новые явления культуры, науки и общественной жизни” [38].

С государственной политикой связано общее направление деятельности государства в области языка. В компетенцию государства входит прежде всего защита широкой сферы функционирования языка. Можно привести один исторический пример. На протяжении всей первой половины XVIII в. и ранее в России преподавание в Академии велось не на русском, а на греческом и латинском языках. Лишь в 1747 г., то есть в середине XVIII в., по распоряжению, подписанному императрицей Елизаветой, в утвержденном регламенте Академии наук официальными языками для Академии были установлены два — латинский и русский. На полях устава рукой Ломоносова было приписано: “Ораторские речи должны быть все российские”. По существу, только в последней трети XVIII в. — с 1767 г. (подумайте, как поздно!) — началось регулярное чтение лекций на русском языке, хотя часть лекций все же читалась на латыни. Только покровительство власти, помогло русским ученым в конце XVIII в. утвердить родной язык и в сфере науки, и в сфере преподавания.

Велика роль государства в деле развития русистики, филологического образования и преподавания русского языка, учреждения гуманитарных учреждений, их устройства и финансирования, что также составляет важнейшую часть поддержки русской культуры, науки и языка.

Имеются и негативные стороны попыток воздействия власти на язык. И тут важно помнить: следует изучать современный язык, но и его история нас многому учит. Если у реки можно изменить направление, забрать ее в коллекторы, то язык, который часто сравнивают с водной стихией, в коллекторные трубы не заберешь. Регулирование, связанное с языком, должно предполагать и долю свободы, возможность стилистического выбора. Мы обязаны учитывать, что иногда употребление слов носит стихийный характер. В этом отношении поучительны примеры прямого вмешательства власти и попытки ее воздействия на язык.

Так, Павел I запретил употребление слов общество, отечество, стража, граждане. Следовало говорить не граждане, а жители, не отечество, а государство, не стража, а караул, не клуб, а собрание. Наказание за нарушение предписаний было строгим. Известен факт, что за выражение “представители лесов” при виде некоторых деревьев сопровождавший Павла I дворянин был изгнан из экипажа государя. За неосторожные речи о персоне государя жестоко пытали.

В XX веке иллюстрации еще более разительны. Нельзя было говорить и думать, а тем более писать обо всем том, что не устраивало правящий режим. В советский период государством был создан специфический словарь идеологом и разработаны семантические сферы новой русской идеологии [17, 6—44]. В проспекте энциклопедического словаря-справочника “Культура русской речи” подчеркивается значение сознательного воздействия государственной власти на язык: “Формирование и поддержание особого идеологизированного языка является эффективным средством пропаганды, позволяющим создать определенную картину социальной действительности. Наличие или отсутствие термина как бы подтверждает наличие и отсутствие обозначаемого им явления (например, развитой социализм, новый класс)” [16, 93—94].

В соответствии с государственными идеологическими установлениями, которые в той или иной мере приходилось отражать в толковых словарях советской эпохи, были расставлены знаки оценки слов, относящихся к семантическому полю идеологем. Так, еще совсем недавно (до 90-х гг.) только с отрицательной коннотацией использовались все термины и номинации, относящиеся к правящим классам в XIX в.: аристократ, дворянин, буржуа, предприниматель, помещик, барин, крепостник, господин, вельможа и т. п. В наши дни активно развивается процесс энантиосемии и знаки оценок у многих из этих слов меняются на противоположные — из отрицательных на положительные, и наоборот.

Второй пример. Значительные полномочия были даны государственной цензуре и лицам, осуществляющим надзор за печатью. Так, министр иностранных дел А. Козырев вспоминал, что старый МИД (работавший при А. Громыко) старательно вычеркивал из всех мидовских документов словосочетание мировое сообщество: “Что это такое? С кем общаться? С капиталистическими странами? Увольте” (из телепрограммы НТВ “Герой дня” от 26 января 1996 г.).

Деятельность цензуры особенно памятна словарникам и лексикографам. Сохранились ставшие теперь историческими устные воспоминания. Членам редколлегии “Толкового словаря” под ред. Д. Н. Ушакова запомнилась, например, работа над буквой “Л”. В одном из первых списков словника после слова ленинец шло слово лентяй. Редактор в издательстве спрашивал: “Чего вы хотите, чего добиваетесь?”. Между этими словами тогда пришлось вставить слово ленинградец, хотя патронимическая лексика (типа москвич, архангелогородец и др.) в толковые словари не вводилась. В окончательном тексте словаря этой неловкости удалось избежать.

С. И. Ожегов рассказывал что во время дружбы с Германией в его “Словарь русского языка” было включено слово фюрер, а после разрыва с Германией оно было заменено междометием фьють. Однако политики приходят и уходят, а словари остаются. Если в первых изданиях словаря 40—50-х гг. слова фюрер нет, то в “Толковом словаре русского языка” С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1992 г. слово фюрер и междометие фьють расположены неподалеку друг от друга. Ясно, что подобное вмешательство власти в конце концов кончается ничем. Еще об одном эпизоде словарной работы рассказывал С. И. Ожегов. В первых изданиях его словаря было помещено слово хрущ с таким толкованием: “Название некоторых жуков, напр., майского” С иллюстрацией: “хрущ — вредитель сельского хозяйства”. С 1958 по 1964 г., когда генсеком был Н. С. Хрущев, предпринявший ряд неудачных и просто даже разрушительных реформ в сельском хозяйстве, издательская цензура усмотрела ядовитый намек в иллюстрации к слову хрущ. Пример пришлось снять. В “Толковом словаре русского языка” С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1992 г. слов хрущ определяется так: “Жук с пластинчатыми усиками (часто вредитель растений)”. Вслед за этим словом все же помещены лексические памятники деятельности Н. С. Хрущева: хрущевка (разг.) и хрущобы (прост, шутол.). Последнее воспринимается не столько как шутовская, сколько как ироническая номинация, по аналогии со словом трущобы.

После того как была провозглашена политика гласности (с 1985 г.) и официально отменена цензура, в обществе воцарилась свобода слова: пиши, как думаешь, говори, что хочешь. Ни запрета, ни контроля. Но, что очень плохо, нередко нет и необходимого самоконтроля, и тем более — даже попыток самоограничения.

По этому же поводу весьма характерно высказывание бывшего председателя российской телерадиокомпании О. Попцова в программе “Вести” 15 ноября 1995 г., когда проходила предвыборная кампания, связанная с избранием депутатов в шестую Государственную Думу. С экрана телевизора звучала ненормативная лексика, которую депутаты использовали в борьбе с конкурентами. О. Попцов, запретивший появление на экране некоторых фрагментов из теледебатов, прокомментировал свои запреты следующим образом: “Мат — это, безусловно, элементы лексики, но не элементы предвыборной агитации. У нас отменена политическая цензура, но цензура нравственная все же, бесспорно, будет. Цензура будет касаться элементов насилия, хамства, хулиганства и откровенной глупости”. В связи с этим необходимо упомянуть и о действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, в котором есть специальные статьи, предусматривающие наказание за оскорбления, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, так же как и за клевету, подрывающую репутацию человека (ст. 129 и 130).

В отличие от государственной политики (по отношению к языку) вектор лингвистической политики обращен в другую сторону, хотя вопросы защиты, охраны и поддержки литературного языка — общие для всех сфер. Перед лингвистами, филологами, преподавателями русского языка стоит задача воспитания и обогащения индивидуального культурного языкового опыта каждого человека. “Чем меньше культурный опыт человека, — замечал академик Д. С. Лихачев, — тем беднее не только его язык, но и “концептосфера” его словарного запаса, как активного, так и пассивного” [20, 5].

Наиболее точно значение и роль языковой политики определил проф. Г. О. Винокур в книге “Культура языка”: “Целью языковой политики может быть только сам язык. В противном случае язык превращается лишь в средство, объект достижения целей собственно политических, а не культурно-лингвистических. Языковая политика есть не что иное, как основанное на точном, научном понимании дела руководство социальными лингвистическими нуждами”.

Роль лингвистов в языковом строительстве чрезвычайно велика. С одной стороны, они создают учебники по русскому языку, грамматики, стилистики, риторики и словари разного типа, которые аккумулируют сложившиеся к нашему времени культурные, преподавательские и научные знания. С другой стороны, не менее важна деятельность лингвистов в области защиты, поддержки и развития литературного языка как высшей формы существования языка в его обработанной полифункциональной стилистически дифференцированной системе. Являясь общенародным средством коммуникации, литературный язык вступает во взаимодействие с различными стратами национального языка — с региональными (в двуязычной или многоязычной среде), с диалектами (в деревнях разных областей страны), с городским просторечием, с жаргонами и профессиональными языковыми реализациями. Для литературного языка имеют значение не только отмеченные связи и взаимодействия по горизонтали, но и виртуальные (возможные при определенных условиях) характеристики по вертикали. Русский литературный язык при всей своей гибкости и разносторонней развитости на протяжении истории, в том числе и новейшей, никогда не оставался неизменным. В этих условиях неизбежно со всей остротой вставали и встают вопросы нормализации литературного языка, выработки единых кодификационных норм. Языковые нормы, как лексические, так и грамматические, регистрируются словарями, грамматиками, стилистикой, риторикой. Такую регистрацию фиксации языковой нормы теперь принято называть ее кодификацией (термин, предложенный чешским лингвистом профессором Б. Гавранком). В случаях достаточно частотных и регулярных кодификация не представляет трудностей и адекватна объективно существующей норме. Сложнее обстоит дело тогда, когда в речи встречаются варианты, потому что именно в этой ситуации возникает проблема выбора и проблема сопоставления, оценки вариантов с точки зрения их “литературности”, соответствия нормам современного языка. Ведь наряду с очевидными случаями большего или меньшего “равенства” вариантов и такими же

очевидными случаями явной неприемлемости одного из вариантов для литературного употребления располагается широкая зона сомнительных явлений допустимых, по мнению одних, и недопустимых, с точки зрения других (ср. отношение пуристов всех времен к новообразованиям). Встречаясь с подобными явлениями, давая им оценку, лингвист уже не просто регистрирует общепризнанное, единое, не вызывающее возражений употребление — он активно вмешивается в литературный язык, предписывая говорящим и пишущим, какую форму они должны употреблять, то есть занимается нормализацией языка термином нормализация, таким образом, обозначается сложный комплекс видов деятельности лингвистов, предполагающий: 1) изучение проблемы определения и установления норм литературного языка; 2) исследование в нормативных целях языковой практики отношении к теории; 3) приведение в систему, дальнейшее совершенствование и упорядочение правил употребления в случаях расхождения теории и практики, когда появляется необходимость укрепления норм литературного языка.

Идея нормативности, активного упорядочения словоупотребления, произношения, грамматических норм должна быть противопоставлена пассивной позиции объективистов, ставящих, задачи констатации и добросовестного описания всех фактов языка и не берущих на себя смелость выносить решения и рекомендации. Позиция стороннего наблюдателя была в особенности не по душе лингвистам-русистам в 20-30-е гг. XX в., когда царила языковая смута и многие вопросы языкового строительства требовали незамедлительного практического разрешения. Вот одно из высказываний тех лет “некоторые думают, что нужно предоставить дело своей судьбе перемелется — мука будет; незачем вмешиваться в естественный процесс развития языка; все образуется со временем само собой “это — противники языковой политики...” [12, 48].

Не следует забывать, что языковая политика всегда считалась не только общим филологическим делом, она являлась и является средоточием многих интересов, а главное, всегда была проникнута оценочными суждениями. Проблема истинности таких суждений постоянно занимала С. И. Ожегова, основателя сектора культуры русской речи, и в теоретическом, и в практическом плане. В связи с этим важно обратиться к историческим основам нормализации русского литературного языка. В эпоху формирования русского национального языка вопросы его нормализации занимали значительное место в работе ученых. С. И. Ожегов подчеркивал, что именно тогда наметились два взаимно связанных критерия нормализации [22, 90—91].

Глава первой русской филологической школы М. В. Ломоносов выдвинул критерий исторической целесообразности в упорядочении норм литературного языка. М. В. Ломоносов разграничил стили литературного языка в зависимости от стилистической характеристики языковых единиц, тем самым впервые определив нормы стилей. Позиция осознанной, активной нормализации была самой характерной чертой взглядов ученого: “Ежели в народе слово испорчено, то старайся оное исправить?”, — писал он в своей Риторике [21]. Этот принцип развивался в трудах его последователей вплоть до 30-х гг. XIX в. Второй критерий — социально-эстетическая оценка — преобладал в трудах В. К. Тредиаковского, а затем и в работах филологов карамзинской школы, определявших новое развитие принципов нормализации литературной, и прежде всего художественной, речи. Во второй половине XIX в. вопросы научной нормализации языка получили дальнейшее развитие в работах Я. К. Грота (1812—1893). Он впервые систематизировал и теоретически осмыслил свод орфографических законов литературного языка [9]. Нормативное направление исследований Я. К. Грота выразилось и в том, что он разрабатывал принципы составления областных, толковых и переводных словарей. Для нормативного “Словаря русского языка”, издаваемого под руководством Я. К. Грота с 1891 г. (буквы А—Д) была разработана система грамматических и стилистических помет.

После смерти Я. К. Грота в Академии царила отвлеченная мысль, опирающаяся на авторитеты и не вступающая в заметное противоречие с главенствующей концепцией языка, в основе которой лежали исследования описательно-систематизаторского характера. Так, по мнению академика А. А. Шахматова, вопросы нормализации литературной речи стоят за пределами научного языкознания. Лишь начиная с 30-х гг. XX в. основные усилия молодых ученых нового направления — к их числу относились В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, С. И. Ожегов, Л. В. Щерба и др. — были направлены на разработку идей активной нормализации литературного языка нового времени.

Основу нормализации языка составляет анализ современного состояния языка и его литературной нормы в свете закономерностей исторического развития. Языковая норма, хотя бы и неосознанная, свойственна разным формам существования языка — диалектам, языку народностей, общенародному языку. Но о языковой норме в полном смысле этого слова, то есть как о категории осознанной и фиксированной в общеобязательных правилах, можно говорить только применительно к эпохе формирования языка с сопутствующему этому процессу преобразованием его литературно-письменной формы.

Анализ определений норм.

Понятие нормы в разных областях деятельности оказывается существенным, но строится на основе различных конструктивных — признаков. Ср.: норма выпадения осадков (среднее количество осадков в то или иное время года) и норма права (свод общеобязательных правил поведения), норма прибавочной стоимости (отношение массы прибавочной стоимости к переменному капиталу, выраженное в процентах) и норма медицинских показателей здоровья (совокупность мер этих показателей в некоторых допустимых пределах) и т. д. К конструктивным признакам языковой нормы относятся план кодификации и план функционирования речевой деятельности, в процессе которой происходит реализация кодифицированных норм. В работах исследователей Пражского лингвистического кружка Б. Гавранка, М. Докулила, А. Едлички [31] подчеркивалась необходимость различать действительность нормы, ее реальную материализацию в нормативной литературе — в грамматиках, справочниках, стилистиках, риториках и словарях. Кодификация как осознанная норма, закрепленная в сводах правил, предназначенных для всех обучающихся языку, свойственна лишь литературному языку. Кодификация как свод языковых правил может существовать отдельно от говорящих. Тогда как функционирующие нормы, то есть нормы в действии, не могут существовать вне коллектива, вне личностей.

Идеал кодификации заключается в неизменности, стабильности языковых установлений. Функциональные же и стилистические потребности языка создают условия для возможных его изменений, прежде всего в норме употребления языковых единиц. Академик И. В. Ягич отмечал: “Против... отклонений от закономерных образований теория может некоторое время обороняться, но в конце концов она обычно уступает, потому что именно употребление — последняя инстанция, которой нельзя не покоряться” [41]. Значение фактора употребления подчеркнуто и в том определении нормы, которое предложил С. И. Ожегов: “Норма — это совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов”

Дальнейшая разработка понятия нормы привела к появлению иных определений, например: “норма — реализация системы” [13] или: “Понятие нормы имплицитно предусматривает присутствие вероятностных оценок... Чтобы получить достаточно богатое описание норм речи, необходимо использовать весь интервал вероятностной меры от нуля до единицы” [30]. Но ни одно из этих определений не было столь емким и разносторонним, как определение Ожегова. В первом явно отсутствует исторический подход, не учтены и элементы социолингвистического характера. Во втором определении дается основа для объективной оценки количественной природы нормы, но нет ни системно-типологического подхода (как у Ожегова и у Косериу), ни тем более существенных компонентов исторической или социолингвистической оценки нормы. С диахронической точки зрения норму можно рассматривать как итог познания и отражения некоей стержневой, исторически отшлифованной сущности литературного языка, то конкретное прагматически рациональное начало, отталкиваясь от которого можно оценивать появляющиеся неологизмы, воспринимающиеся многими как хаотические, беспорядочные, портящие литературный язык или даже вредящие ему. Резкие и немотивированные отступления от литературной нормы — имеются в виду неправильные, неверные написания слов; погрешности в произношении; образования, противоречащие грамматическим и лексическим законам языка, — квалифицируются как ошибки. Типология ошибок, вызванных отклонениями от литературной нормы, охватывает все синтагматические и парадигматические ряды языковых единиц. Обычно ошибки изживаются в школе, на протяжении многолетнего обучения русскому языку. Тем не менее многие из них проскальзывают в повседневную речь даже образованных людей; иногда появляются в речи дикторов на радио и телевидении, в деловой речи и выступлениях депутатов и государственных деятелей. Поэтому уместно кратко напомнить об основных типах наиболее распространенных ошибок.

Ошибки квалифицируются по уровням языка. Прежде всего выделяются орфографические и пунктуационные ошибки, появляющиеся в результате нарушения правил правописания. Рекомендации правильного написания даются орфографическими словарями [26]. В устной речи различаются орфоэпические ошибки, связанные с отступлением от нормы в произносительной системе языка. Ошибки, наблюдающиеся в произношении и ударении слов, можно выправить в соответствии с рекомендациями орфоэпического словаря [27]. Грамматические ошибки, обусловленные нарушением грамматических законов языка, наблюдаются в образовании форм слов, в построении словосочетаний и предложений. В соответствии с тремя основными разделами грамматики различаются ошибки в словоизменении, словообразовании и синтаксисе. Эти ошибки преодолеваются, с одной стороны, с помощью грамматики [34], с другой — с помощью грамматических словарей [6, 10]. Последний пласт ошибок (по месту в типологии, но не по значению!) — лексические и лексикофразеологические. Лексические ошибки — неправильности или неточности в употреблении отдельных слов, появляющиеся в результате смешения паронимов, незнания точного значения слов, неуместного использования макаронизмов и т. п. Лексико-фразеологические ошибки в речи обусловлены неправильным употреблением слов в фразеологии: ср. глас вопящего в пустыне вместо глас вопиющего в пустыне; жить как Христос за пазухой вместо — жить как у Христа за пазухой; брать быков за рога вместо брать быка за рога, власть предрержащие вместо власти предрержащие (вариант в ед. ч. — власть предрержащая ошибочное употребление появилось под влиянием фразеологизма власть имуще).

В связи с отклонением от современной стилистической нормы на всех уровнях языка различаются и стилистические ошибки. Эти ошибки заключаются в употреблении языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений), обладающих стилистической окраской, не соответствующей стилистической окраске всего текста. Среди них должны быть отмечены лексико-стилистические и грамматико-стилистические ошибки. Такого рода отступления от нормы фиксируются прежде всего в словарях лексических трудностей русского языка [19], словарях паронимов [1] и фразеологических словарях [37].

В литературном языке существует пласт языковых единиц, стоящих на грани нормы и не-нормы. Этими единицами отмечены, как правило, “точки роста” в языке — те участки языковой системы, которые подвержены колебаниям нормы, возникающим в результате проявления неустойчивости, нестабильности языковых единиц плана выражения.

С этой точки зрения наиболее показательны пласты существующих вариантов в языке, составляющих один из важнейших объектов внимания нормализаторов.

Разговорная речь и ее особенности.

Разговорная речь — особая функциональная разновидность литературного языка. Если язык художественной литературы и функциональные стили имеют единую кодифицированную основу, то разговорная речь противопоставляется им как некодифицированная сфера общения. Кодификация — это фиксация в разного рода словарях и грамматике тех норм и правил, которые должны соблюдаться при создании текстов кодифицированных функциональных разновидностей. Нормы и правила разговорного общения не фиксируются. Вот небольшой разговорный диалог, который позволяет в этом убедиться:

А. “Арбат” (станция метро) мне как лучше (проехать на метро)? Б. “Арбат” — это же “Библиотека”, “Боровицкая” / это -же все равно / Вот “Боровицкая” тебе удобней //.

Перевод этого текста на кодифицированный язык мог бы быть таким:

А. Как мне лучше проехать на метро до станции “Арбатская”? Б. Станция “Арбатская” соединена переходами со станциями “Библиотека имени В. И. Ленина”, “Боровицкая”, и поэтому можно ехать до любой из этих станций. Тебе удобней всего доехать до “Боровицкой”.

Грамматические кодифицированные нормы запрещают употреблять именительный падеж в первом высказывании А. (“Арбат”) и последнем высказывании Б. (“Боровицкая”). Сильная смысловая редукция (сжатие) первого высказывания Б. также исключена в кодифицированных текстах.

Известный русский психолог и лингвист Н. И. Жинкин однажды заметил: “Как это ни парадоксально, я думаю, что лингвисты долгое время изучали человека молчащего”. И был совершенно прав. Долгое время считалось, что говорят так же или примерно так же, как и пишут. Только в 60-е гг. нашего столетия, когда появилась возможность фиксировать разговорную речь с помощью магнитофонов и эта речь попала в полном объеме в поле зрения Языковедов, выяснилось, что для лингвистического осмысления разговорной речи существующие кодификации не вполне пригодны. Так что же такое разговорная речь?

Разговорная речь как особая функциональная разновидность языка, а соответственно и как особый объект лингвистического исследования характеризуется тремя экстралингвистическими, внешними по отношению к языку, признаками. Важнейшим признаком разговорной речи является ее спонтанность, неподготовленность. Если при создании даже таких простых письменных текстов, как, например, дружеское письмо, не говоря уже о сложных текстах типа научной работы, каждое высказывание обдумывается, многие “трудные” тексты пишутся сначала вчерне, то спонтанный текст не требует подобного рода операций. Спонтанное создание разговорного текста объясняет, почему ни лингвисты, ни тем более просто носители языка не замечали его больших отличий от кодифицированных текстов: языковые разговорные особенности не осознаются, не фиксируются сознанием в отличие от кодифицированных языковых показателей. Интересен такой факт. Когда носителям языка для нормативной оценки предъявляются их же собственные разговорные, высказывания типа “Дом обуви” как проехать? (кодифицированный вариант Как проехать к “Дому обуви”), то часто эти оценки бывают негативными: “Это ошибка”, “Так не говорят”, хотя для разговорных диалогов подобное высказывание более чем обычно.

Второй отличительный признак разговорной речи состоит в том, что разговорное общение возможно только при неофициальных отношениях между говорящими.

И, наконец, третьим признаком разговорной речи является то, что она может реализоваться только при непосредственном участии говорящих. Такое участие говорящих в коммуникации очевидно при диалогическом общении, но и при общении, когда говорит в основном один из собеседников (ср. жанр, разговорного рассказа), другой собеседник не остается пассивным; он, так сказать, имеет право, в отличие от условий реализации монологической официальной речи, постоянно “вмешиваться” в коммуникацию, соглашаясь ли не соглашаясь со сказанным в форме реплик Да, Конечно, Хорошо, Нет, Ну это, или же просто демонстрируя свое участие в коммуникации междометиями типа Угу, реальное звучание которых трудно передать на письмо. Примечательно в этом отношении такое наблюдение: если вы долгое время говорите по телефону и не получаете с другого конца каких-то подтверждений, что вас слушают — хотя бы в форме Угу, — то вы начинаете беспокоиться, а слушают ли вас вообще, прерывая себя репликами типа Ты меня слышишь? Алло, и подобными.

Особую роль в разговорном общении имеет прагматический фактор. Прагматика — это такие условия общения, которые включают определенные влияющие на языковую структуру коммуникации характеристики адресанта (говорящий, пишущий), адресата (слушающий, читающий) и ситуации. Разговорное неофициальное общение с непосредственным участием говорящих осуществляется обычно между хорошо знающими друг друга людьми в конкретной ситуации. Поэтому говорящие имеют определенный общий запас знаний. Эти знания называются фоновыми. Именно фоновые знания позволяют строить в разговорном общении такие редуцированные высказывания, которые вне этих фоновых знаний совершенно непонятны. Простейший пример: в вашей семье знают, что вы пошли сдавать экзамен, и волнуются за вас, вернувшись после экзамена домой вы можете сказать одно слово: “Отлично” — и всем все будет предельно ясно. Столь же глубокое влияние на языковое оформление разговорного высказывания может оказывать ситуация. Проходя мимо старинного особняка, вы можете сказать своему спутнику: “Восемнадцатый век”, — и станет ясно, что речь идет о памятнике архитектуры XVIII в.

Как уже сказано, спонтанность разговорной речи, ее большие отличия от кодифицированной речи ведут к тому, что так или иначе зафиксированные на письме разговорные тексты оставляют у носителей языка впечатление некоторой неупорядоченности, многое в этих текстах воспринимается как речевая небрежность или просто как ошибка. Происходит это именно потому, что разговорная речь оценивается с позиций кодифицированных предписаний. На самом же деле она имеет свои нормы, которые не могут и не должны оцениваться как ненормативные. Разговорные особенности регулярно, последовательно проявляют себя в речи носителей языка, которые безупречно владеют кодифицированными нормами и всеми кодифицированными функциональными разновидностями литературного языка. Поэтому разговорная речь — это одна из полноправных литературных разновидностей языка, а не какое-то языковое образование, стоящее, как кажется некоторым носителям языка, на обочине литературного языка или вообще за его пределами.

Что же такое разговорная норма? Нормой в разговорной речи признается то, что постоянно употребляется в речи носителей литературного языка и не воспринимается при спонтанном восприятии речи как ошибка — “не режет слуха”. В разговорной речи часто встречаются такие произношения, как стоко (вместо кодифицированного столько), када, тада (вместо кодифицированных когда, тогда), — и все это орфоэпическая разговорная норма. В разговорной речи более чем обычно особая морфологическая форма обращения — усеченный именительный падеж личных имен, иногда с повтором: Кать, Маш, Володь, Маш-а-Маш, Лёнь-а-Лёнь — и это морфологическая норма. В разговорной речи последовательно именительный падеж существительного употребляется там, где в кодифицированных текстах возможен только косвенный падеж: Консерватория / как мне ближе пройти? (Как мне ближе пройти к консерватории?), У нас есть сахар большая пачка (У нас есть большая пачка сахара), — и это синтаксическая норма.

Нормы разговорной речи имеют одну важную особенность. Они не являются строго обязательными в том плане, что на месте разговорной может быть употреблена общелитературная норма, и это не нарушает разговорный статус текста: нет никаких запретов на то, чтобы в неофициальной обстановке сказать На четырнадцатом троллейбусе тебе лучше ехать Казанский вокзал // и Четырнадцатый троллейбус тебе лучше Казанский // Существует, однако, и большое количество таких слов, форм, оборотов, которые в разговорной речи нетерпимы. Каждый, надо полагать, без труда почувствует противоестественность для разговорной ситуации такого высказывания, как До Казанского вокзала тебе удобней доехать, если ты воспользуешься троллейбусом маршрута номер четырнадцать.

Итак, разговорная речь — это спонтанная литературная речь, реализуемая в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих с опорой на прагматические условия общения.

Языковые особенности разговорной речи столь существенны, что породили гипотезу, согласно которой в основе разговорной речи лежит особая система, не сводимая к системе кодифицированного языка и не выводимая из нее. Поэтому во многих исследованиях разговорную речь называют разговорным языком. Эту гипотезу можно принимать или не принимать. Во всех случаях верным остается то, что разговорная речь по сравнению с кодифицированным языком имеет свои особенности. Рассмотрим основные из них.

Фонетика. В разговорной речи, особенно при быстром темпе произношения, возможна гораздо более сильная, чем в кодифицированном языке, редукция гласных звуков, вплоть до полного их выпадения.

В области согласных главная особенность разговорной речи — упрощение групп согласных.

Многие фонетические особенности разговорной речи действуют в совокупности, создавая весьма “экзотический” фонетический облик слов и словосочетаний, особенно частотных.

Морфология. Основное отличие разговорной морфологии заключается не в том, что в ней есть какие-то особые морфологические явления (кроме уже упомянутых звательных форм обращения типа Маш, Маш-а-Маш трудно назвать что-либо еще), а в том, что некоторые явления в ней отсутствуют. Так, в разговорной речи крайне редко употребляются такие глагольные формы, как причастия и деепричастия в своих прямых функциях, связанных с созданием причастных и деепричастных оборотов, которые в работах по синтаксической стилистике справедливо характеризуются как сугубо книжные обороты. В разговорной речи возможны только такие причастия или деепричастия, которые выполняют функции обычных прилагательных или наречий и не являются центром причастных или деепричастных оборотов, ср. знающие люди, решающее значение, прилегающее платье, дрожащий голос, блестящее стекло; лежала не вставая, не измеряя налила полную чашку, шла не сворачивая, пришли в одно время не сговариваясь, отвечает не задумываясь. Отсутствие деепричастий в разговорной речи имеет для нее одно важное синтаксическое следствие. Те отношения, которые в кодифицированном языке передаются деепричастием и деепричастным оборотом, в разговорной речи оформляются совершенно не терпимой в кодифицированном языке конструкцией с двойными неоднородными глаголами, ср. Я вчера вообще лежала головы, поднять не могла //; Напишите две фразы не поленитесь //; Я тут обложилась словарями сидела //; И потом манера такая / сделала и ничего не уберет уходит // (ср. кодифицированное уходит, ничего не убрав).

Синтаксис. Синтаксис — это та часть грамматики, в которой разговорные особенности проявляют себя наиболее ярко, последовательно и разнообразно. Черты разговорного синтаксиса обнаруживаются прежде всего в области связи слов и частей сложного предложения (предикативных конструкций). В кодифицированном языке эти связи обычно выражены специальными синтаксическими средствами: предложно-падежными формами, союзами и союзными словами. В разговорной речи роль таких синтаксических средств не столь велика: в ней смысловые отношения между словами и предикативными конструкциями могут устанавливаться на основе лексической семантики соединяемых компонентов, примером чего является именительный падеж существительного, который может употребляться, как видно из многих уже приведенных примеров, на месте многих косвенных падежей. Языки с явно выраженными синтаксическими связями называются синтетическими, языки, в которых связи между компонентами устанавливаются с опорой на лексико-семантические показатели компонентов, называются аналитическими. Русский относится к синтетическим языкам, однако ему не чужды и некоторые элементы аналитизма. Именно тенденция к аналитизму представляет собой одно из важнейших отличий разговорного синтаксиса от кодифицированного. Свидетельством такой тенденции являются следующие разговорные синтаксические структуры.

1) Высказывания с именительным падежом существительного в тех позициях, которые в кодифицированном языке может занимать только существительное в косвенных падежах. К таким высказываниям относятся:

- высказывания с существительным в именительном падеже при глаголе, это существительное часто выделяется интонационно в отдельную синтагму, но вполне типично и без интонационного выделения: Следующая / нам сходить // (нам сходить на следующей остановке); Майка эта темная / покажите мне // (покажите мне эту темную майку); Ты живешь второй этаж? — Это я раньше второй / теперь пятый // (ты живешь на втором этаже? — это я раньше жил на втором, а теперь — на пятом); У них сын физтех кажется / а дочь университет филфак ромгерм // (у них сын учится в физтехе, а дочь в университете на романо-германском отделении филфака);
- высказывания с существительным в именительном падеже в функции определения при другом существительном: Он купил шкаф / карельская береза // (он купил шкаф из карельской березы); Мне подарили чашку / тонкий фарфор // (чашку из тонкого фарфора); У нее шуба песцовые лапки // (шуба из песцовых лапок);
- высказывания с существительными в именительном падеже в функции именной части сказуемого (в кодифицированных высказываниях в этой позиции употребляются косвенные падежи): Она из Казани? — Нет / она Уфа // (она из Уфы); Ваша собака / какая-порода? // (ваша собака какой породы?);
- высказывания с существительным в именительном падеже в функции подлежащего при сказуемых — предикативных наречиях на -о: Слишком крепкий чай / вредно //; Лес / приятно // . Эти высказывания не имеют прямых эквивалентов в кодифицированном языке, их смысл примерно такой: “Вредно пить слишком крепкий чай”; “Приятно гулять в лесу”.

2) Высказывания с инфинитивом, обозначающим целевое назначение предмета, названного существительным: Надо купить кеды / бегать // (купить кеды, чтобы бегать в них по утрам); В переднюю нужен коврик / ноги вытереть // (в переднюю нужен коврик, чтобы вытереть ноги).

3) Высказывания с разговорными номинациями. В разговорной речи существуют особые способы обозначения предметов, лиц и т. п., то есть особые способы номинации. Для понимания синтаксиса разговорной речи во внимание должны быть приняты номинации, построенные по таким схемам: а) относительное местоимение + инфинитив (чем писать, куда ехать, что надеть), б) относительное местоимение + существительное в именительном падеже (где метро, чья машина), в) относительное местоимение + глагол в личной форме (что принесли, кто приехал), г) существительное в косвенном падеже с предлогом, называющее характерный признак обозначаемого (о человеке: в плаще, в очках, с зонтиком), д) глагол в личной форме с объектным или обстоятельственным распространителем, обозначающим характерное действие лица (двор убирает, газеты разносит). В разговорной речи номинации такого типа без каких-либо специальных синтаксических средств включаются в высказывание в роли любого присущего номинации-существительному члена предложения:

Дай мне во что завернуть //; Не забудь мыло и чем вытереться //; У тебя нет / куда яблоки положить //; Где мы в прошлую зиму катались на лыжах / перегородили / там стройка какая-то //; Чья посылка / подойти сюда //; Возьми салфетки / где посуда //; Позови на день рождения с курса и Мишку //; Мусор убирает / не приходила? Напротив живет / замуж, выходит //; С Катей кончала / хочет в кино сниматься //.

В кодифицированном языке такие номинации могут функционировать не на аналитической, а только на синтетической основе, оформляясь специальными синтаксическими средствами, ср.: У тебя нет какого-нибудь пакета, куда яблоки можно положить; То место, где мы в прошлую зиму катались на лыжах, перегородили; Возьми салфетки в шкаф, где посуда стоит и т. п.

4) Как аналитическую можно рассматривать и такую известную и по грамматикам кодифицированного языка конструкцию, как бессоюзное сложное предложение. В сложном предложении устанавливаются определенные смысловые отношения между составляющими это предложение частями — предикативными конструкциями. В союзном сложном предложении эти отношения выражаются специальными синтаксическими средствами, прежде всего сочинительными или подчинительными союзами или союзными словами, ср.: Я должен сходить в

аптеку, потому что мне нужно купить аспирин. В бессоюзном сложном предложении эти отношения устанавливаются на основе лексико-семантического содержания соединяемых предикативных конструкций: Зайду в аптеку / аспирин мне нужен, где причиненные отношения "выводятся" из семантики слов аптека — место, где продают лекарства, и аспирин — одно из лекарств. Именно разговорная речь является основной сферой употребления бессоюзных сложных предложений. В ней возможны такие предложения, которые в кодифицированных разновидностях языка вообще не встречаются: Быстро до метро добежали / вымокли все-таки // (Хотя быстро до метро добежали, но вымокли все-таки); Я завернула за угол / Ирина с мужем идет // (Завернула и увидела, что Ирина с мужем идет); Вот такую мне шубу хочется / женщина прошла // (...шубу, которая на прошедшей мимо женщине); Я устала / еле ноги волочу // (Я так устала, что еле ноги волочу).

Широко представлены в разговорной речи такие бессоюзные сложные предложения, в которых обосновывается правомерность той или иной информации, вопроса и т. п.: Елки уже продают / я проходил // (Я проходил там, где обычно торгуют елками, и поэтому могут сообщить, что елки уже продают); Елки продают! Ты ведь там был сегодня // (Ты был там, где обычно продают елки, и поэтому можешь ответить на вопрос, началась ли торговля елками).

И, наконец, еще один круг синтаксических особенностей разговорной речи — это многочисленные и своеобразные способы выделения в предложении наиболее важных для понимания смысла предложения компонентов. Для этих целей используются:

- особый разговорный 'порядок слов, когда два непосредственно связанных слова могут быть разделены другими словами: Красных купи мне / пожалуйста / стержней // (красных стержней для ручки);
- разного рода специальные слова — актуализаторы (местоимения, отрицательные или утвердительные частицы): Он что / уже в школу идет? //; Ты завтра / да? уезжаешь? //; Он летом / нет / к нам придет? //;
- **повтор актуальных компонентов: Я по Волге этим летом поеду // По Волге //.**

Лексика. В разговорной речи почти нет каких-то особых неизвестных в кодифицированном языке слов. Ее лексические особенности проявляются в другом: для разговорной речи характерна развитая система собственных способов номинации (называния). К числу таких способов относятся:

- семантические стяжения с помощью суффиксов: вечерка (вечерняя газета), самоволка (самовольная отлучка), маршрутка (маршрутное такси), комиссионка (комиссионный магазин), газировка (газированная вода); : прокатка (прокатный цех), генералка (генеральная репетиция), лабораторка (лабораторная работа), Тургеневка (Тургеневская библиотека);
- семантические стяжения способом устранения определяемого: диплом (дипломная работа), мотор (моторная лодка), транзистор (транзисторный приемник), декрет (декретный отпуск);
- семантические стяжения способом устранения определяющего: вода (минеральная вода), Совет (Ученый совет), сад, садик (детский сад), песок (сахарный песок);
- метонимии: тонкий Платонов (тонкий том А. Платонова), длинный Корбюзье (здание архитектора Корбюзье), быть на Фальке (на выставке художника Р. Фалька).

Особое место среди лексических разговорных средств занимает имя ситуации. Имя ситуации — это конкретное существительное, которое в определенном микроколлективе может обозначать какую-то актуальную для данного коллектива ситуацию: (в ситуации хлопот по установке телефона возможно высказывание) Ну как / кончился твой телефон? (т. е. хлопоты по установке телефона); В этом году мы яблоки совсем забросили // (заготовку яблок на зиму).